

та висвітлення нового в усвідомленні таких надзвичайно складних та багатограних феноменів, яким, безсумнівно, є право.

На завершення слід окремо зазначити незавершеність у вирішенні питання взаємовідношення понять "культура" і "цивілізація" у цьому тексті, однак це є проблемою вже іншого дослідницького сюжету в контексті загальної теми "Право як феномен культури".

УДК 343.28/ 29

Ю.А. Кучер

**ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ
ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
КАК ОТНОСИТЕЛЬНО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО
УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЯВЛЕНИЯ**

Предлагаемая статья посвящена постановке проблемы преступной деятельности как относительно самостоятельного уголовно-правового явления, позволяющего выработать подход к дальнейшей разработке ряда взаимосвязанных актуальных направлений теории уголовного права и квалификации преступлений.

Ключевые слова: *преступление, бездействие, действие, множественность телодвижений, множественность преступлений, преступная деятельность, степень общественной опасности.*

Пропонована стаття присвячена поставленню проблеми злочинної діяльності як відносно самостійного кримінально-правового явища, що дозволяє виробити підхід щодо подальшої розробки низки взаємопов'язаних актуальних напрямків теорії кримінального права і кваліфікації злочинів.

Ключові слова: *злочин, бездіяльність, дія, множинність рухів тіла, множинність злочинів, злочинна діяльність, ступінь суспільної небезпеки.*

This article is dedicated to the initial stage of the problem of criminal activity as a relatively separated criminal law phenomenon that may give to a researcher a certain approach to further scientific investigation of a number of interconnected topical trends in criminal law doctrine and qualification of crimes.

Key words: *crime, omission, commission, multiple bodily movements, plurality of crimes, criminal activity, degree of social danger.*

В доктрині отечественного уголовного права и уголовного права ближнего зарубежья существует установившаяся парадигма, согласно которой деяние, обозначающее преступление в целом, подразуме-

вает либо действие (активную форму поведения), либо бездействие (воздержание от действий, которое лицо должно было совершить в силу возложенных на него обязанностей – пассивную форму поведения) [1, 54; 2, 44; 3, 225; 4, 117; 5, 125 и т.д.]. В соответствии с общепринятыми научными взглядами в ч. 1 ст. 11 Уголовного кодекса Украины даётся общее определение преступления, охватывающее все случаи совершения общественно опасных деяний, как предусмотренные уголовным кодексом на данный момент, так и подлежащие включению в него, согласно ч. 2 ст. 3. Таким образом, первоначально любое преступление определяется как предусмотренное уголовным кодексом общественно опасное виновное деяние (действие или бездействие), совершенное субъектом преступления. Конкретная разновидность соответствующего действия или бездействия получает необходимую детализацию в названии конкретной уголовно-правовой нормы Особенной части УК и далее при описании специальных признаков объективной стороны единичных преступлений, предусмотренных в Особенной части уголовного законодательства.

В то же время, как в теории уголовного права, так и в законодательстве встречается определение деяния не посредством действия или бездействия, а с помощью прямого использования устойчивого словосочетания "преступная деятельность" либо указывается определенный вид такой деятельности. В теории такая терминология особенно часто встречается при описании стадий совершения умышленного преступления (например, предварительная преступная деятельность) [9, 221], соучастия в преступлении (деятельность организатора, подстрекателя, пособника) [6, 57; 7, 25], множественности преступлений (систематическое занятие преступной деятельностью) [8, 22]. Некоторые авторы, в частности, А.И. Марцев достаточно выражено акцентируют внимание на том, что преступление есть поведение, деятельство конкретного субъекта [10, 85]. А.Ф. Зеленский и М.И. Коржанский посвятили проблеме корыстной преступной деятельности специальную монографию [12].

Что же касается действующего уголовного законодательства, то указание на преступную деятельность может иметь место в названии статьи Особенной части уголовного кодекса (Вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность – ст. 304) или в тексте уголовно-правовой нормы (например, в ч. 4 ст. 28 говорится о том, что преступление признается совершенным преступной организацией, если оно совершено устойчивым иерархическим объединением не-

скольких лиц (пять и более), члены которого или структурные части которого по предварительному сговору организовались для совместной **деятельности** в целях непосредственного совершения тяжких или особо тяжких преступлений участниками этой организации, или руководства либо координации **преступной деятельности** других лиц, или обеспечения функционирования, как самой преступной организации, так и иных преступных групп).

Диспозицией ч. 1 ст. 255, в частности, установлена ответственность за организацию, руководство или содействие встрече (сходке) представителей преступных организаций или организованных групп для разработки планов и условий совместного совершения преступлений и материального обеспечения **преступной деятельности**.

В большинстве же случаев при конструкции диспозиций норм Особенной части преступная деятельность однозначно подразумевается путем придания конкретному содержанию понятия "действие" формы множественного числа. Причем, такая логическая операция не носит механического характера. Законодатель берет за основу не простую совокупность, не связанных между собой действий, случайно совпадающих в пространстве и во времени, а два или более преступных действия, объединенных единым преступным намерением, направленные к единой цели, придавая такой совокупности ярко выраженный системный характер. Примеры подобного использования законодательной техники достаточно распространены. Приведем некоторые из них. Согласно ст. 113 диверсия определяется как совершение в целях ослабления государства *взрывов, поджогов или иных действий*, направленных на массовое уничтожение людей, причинение телесных повреждений либо иного вреда их здоровью, на разрушение или повреждение объектов, имеющих важное народно-хозяйственное или оборонное значение, а также совершение с той же целью *действий*, направленных на радиоактивное загрязнение, массовое отравление, распространение эпидемий, эпизоотий или эпифитотий.

В ч. 1 ст. 127 попытки характеризуются в виде умышленного причинения сильной физической боли либо физического или морального страдания путем нанесения *побоев, мучений либо иных насильственных действий* с целью принудить потерпевшего либо иное лицо совершить действия, противоречащие их воле, в том числе получить от него либо иного лица сведения или признания, или с целью наказать его либо иное лицо за *действия*, совершенные им либо иным лицом

или в совершении которых он либо иное лицо подозревается, а также с целью его либо иных лиц запугивания или дискриминации.

Диспозиция ч. 1 ст. 161 устанавливает уголовную ответственность за умышленные *действия* направленные на разжигание национальной, расовой или религиозной вражды и ненависти, на унижение национальной чести и достоинства или оскорбление чувств граждан в связи с их религиозными убеждениями.

Понятно, что этот перечень можно было бы продолжать достаточно долго. Также обстоит дело и с квалифицированными составами преступлений. Например, п. 1 ч. 2 ст. 115 предусматривает уголовную ответственность за умышленное убийство двух или более лиц; ч. 2 ст. 185 - за кражу совершенную повторно (этот пример корректен при условии, что лицо ранее не судимо за деяния, предусмотренные ст. ст. 185, 186, 189 - 191, 187, 262) и т.д. Другими словами любая повторность умышленных тождественных преступлений, если лицо не судимо хотя бы за два из них, приобретает вид преступной деятельности. Отсюда ясно, что и всякая системная совокупность умышленных преступлений по своей юридической природе представляет собой преступную деятельность.

Более того, одно и то же преступление при различных условиях может совершаться и действием, и бездействием, и в форме преступной деятельности, если последняя имеет вид системной последовательности телодвижений, которая характеризуется определенной протяженностью во времени. Примером этого может служить умышленное убийство, основной состав которого предусмотрен ч. 1 ст. 115. Его совершение, как известно, возможно действием или бездействием. Однако при более внимательном анализе становится очевидно, что совершить убийство при помощи единичного действия, то есть одного телодвижения, практически достижимо только при особых условиях, в частности, при внезапно возникшем умысле, скажем, в состоянии сильного душевного волнения, внезапно возникшего вследствие противозаконного насилия, систематического издевательства или тяжкого оскорбления со стороны потерпевшего (ст. 116) либо при простом убийстве с косвенным умыслом. Если умысел прямой заранее обдуманый и деяние проходит стадии приготовления, покушения и оконченного преступления, то деяние в целом с необходимостью приобретает вид преступной деятельности. Например, множественность последовательных, взаимосвязанных и целенаправленных действий в наличии, если субъект преступления разрабаты-

вает план противоправного лишения жизни другого человека, приобретает орудие преступления, выходит на место совершения убийства, приводит орудие совершения преступления в состояние боевой готовности, мобилизует все свои физические и психические возможности на нанесение прицельного смертельного поражения, убеждается в смерти потерпевшего и т.д.

Показательным и характерным случаем множественности фактических действий, направленных на лишение жизни другого человека, может служить дело Б. Как видно из материалов данного уголовного дела (далее на языке оригинала – авт.) *Б. визнано винним у тому, що 27 серпня 1998 р. він, перебуваючи у ступні алкогольного сп'яніння, із хуліганських мотивів, бажаючи виявити грубу силу і зазнавши відчуттів, які виникають при позбавленні життя людини шляхом спричинення її особливих страждань, вчинив у лісосмузі умисне вбивство неповнолітнього Ж.*

До того ж Б., як установив суд, з метою позбавлення потерпілого життя та діючи з особливою жорстокістю, спочатку завдав Ж. не менше 10 ударів по голові ззадалегідь наготовленим молотком, від чого потерпілий упав на землю. Усвідомлюючи, що насильство викликало сильний фізичний біль, і бажаючи продовжити фізичні страждання потерпілого, котрий ще подавав ознаки життя, Б. кухонним ножом, якого також наготував ззадалегідь і мав при собі, завдав Ж. численні удари в шию, по очах, у живіт та по правій нозі. З метою довести свій умисел до кінця Б. завдав потерпілому знайденим на місці події каменем удар по голові.

Внаслідок цих дій Б. потерпілому було заподіяно колото-різані рани шиї та очей, різані рани ноги й живота з ушкодженням тонкого кишечника, численні рани голови і рук, а також переломи кісток скелетіння та основи черепа з ушкодженням речовини головного мозку, від чого смерть потерпілого настала на місці події [10, 230-231].

Исходя из однозначно изложенных предписаний ч. 1 ст. 11 правоприменителю (при квалификации деяния) необходимо указать, что упомянутое выше преступление совершено действием, выразившемся в конкретном проявлении. Однако резкое несоответствие между содержанием понятия "действие" и фактической множественностью телодвижений, реально имевших место, то есть единичных конкретных действий, бросается в глаза. На первый взгляд, выйти из положения можно, если использовать слово "действие" во множественном числе, то есть констатировать, что убийство осуществлено действиями. Но это, во-первых, противоречит точной нормативной формулировке ч. 1 ст. 11 и, во-вторых, не отражает систематичность, последовательность и неуклонную целенаправленность преступного

поведения. В связи с этим в подобных ситуациях, а они при применении криминального законодательства достаточно распространены, целесообразным представляется использование более емкого и максимально корректного термина "деятельность". Для деятельности единичное действие является лишь единицей измерения, характеризующей ее этап развития как последовательного и внутренне согласованного поведения преступника, которое подчиняется определенной логике. Преступление в таких случаях неизменно принимает вид преступной деятельности. При прочих равных условиях по своим количественным характеристикам и внутреннему содержанию преступная деятельность является более общественно опасным явлением, чем одноактное преступление. Указанные черты преступной деятельности позволяют подойти к ее пониманию как относительно самостоятельного криминально-правового феномена.

Представляется, что, если даже отказаться от взгляда на эквивалентность действий и телодвижений и считать, что под действием следует понимать некую совокупность телодвижений, границы которой определяются установлением уголовно-правовой нормы, то и этот подход не позволит избежать вопроса о юридической природе преступной деятельности. В так называемых составах с альтернативными действиями преступление является оконченным при совершении одного или нескольких юридически значимых действий из числа предусмотренных соответствующей нормой. Например, в преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 263, где говорится о ношении, хранении, приобретении, изготовлении, ремонте, передаче либо сбыте огнестрельного оружия (кроме гладкоствольного охотничьего), боевых припасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств без предусмотренного законом разрешения, содержится 28 самостоятельных действий, каждое из которых подразумевает определенную совокупность телодвижений. Очевидно, что данное преступление является оконченным как при совершении одного действия, так и нескольких из них. Но в последнем случае правоприменитель будет иметь дело ни с чем иным как с преступной деятельностью.

Таким образом, проблема квалификации преступной деятельности возникает всегда, когда деяние проходит определенные стадии своего развития или совершается в соучастии, особенно, при его организованных формах или когда речь идет о множественности действий или множественности преступлений.

На наш взгляд, преступную деятельность в общем виде можно было бы изначально определить как некоторую множественность

действий, поступков, в конечном итоге – деяний, образующих системную совокупность актов мотивированного и целенаправленного преступного поведения.

Преступное поведение по степени общественной опасности по критерию действия как единицы измерения криминальной активности с учетом феномена преступной деятельности целесообразно классифицировать следующим образом:

1) деяния, совершаемые бездействием, представляющие при прочих равных условиях минимальную общественную опасность – первая степень опасности преступного поведения;

2) деяния, в основе которых лежит одно действие, характеризующиеся существенной степенью общественной опасности – вторая степень опасности преступного поведения;

3) деяния, состоящие из нескольких телодвижений и обладающие при прочих равных условиях повышенной степенью общественной опасности – третья степень опасности преступного поведения;

4) особо опасные деяния.

К этой категории относится и индивидуальная преступная деятельность в виде множественности преступлений – четвертая степень опасности преступного поведения;

5) деятельность (участие в множественности тяжких и особо тяжких деяний) в составе организованной преступной группы – пятая степень опасности преступного поведения.

6) деятельность в составе преступной организации – шестая степень опасности преступного поведения;

7) деятельность в составе преступной организации, входящей в преступное сообщество – седьмая степень опасности преступного поведения.

С этой точки зрения ч. 1 ст. 11 следует дополнить понятием "деятельность" и изложить ее следующим образом:

"Преступлением является предусмотренное настоящим Кодексом общественно опасное виновное деяние (действие, бездействие или деятельность), совершенное субъектом преступления".

Из всех видов преступной деятельности наиболее перспективным направлением исследования видится преступная деятельность как множественность преступлений. Ключевая проблема, которая при этом возникает, может быть сформулирована как определение состава преступной деятельности, имеющего специфические особенности по сравнению с составом преступления, что, безусловно, позво-

лило бы окончательно выделить преступную деятельность в качестве особого, относительно самостоятельного уголовно-правового явления.

Использованная литература:

1. Науково-практичний коментар до Кримінального кодексу України / За ред. М.І. Мельника, М.І. Хавронюка. – 8-ме вид., перероб. і доп. – Х.: Фактор, 2011. – 1280 с.
2. Кримінальне право України. Загальна частина: Підручник / Ю.В. Александров, В.І. Антипов, М.В. Володько, О.О. Дудоров та ін.; За ред. М.І. Мельника, В.А. Клименка. – 5-те вид., переробл. та допов. – К.: Атіка, 2009. – 408 с.
3. Кримінальне право. Загальна частина: Підручник / За ред. А.С. Беніцького, В.С. Гуславського, О.О. Дудорова, Б.Г. Розовського. – К.: Істина, 2011. – 1112 с.
4. Наумова А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. – М.: Издательство БЕК, 1996. – 560 с.
5. Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении. Учебник для вузов. Под ред. Доктора юридических наук, профессора Н.Ф. Кузнецовой и кандидата юридических наук, доцента И.М. Тяжковой. – М.; Издательство ЗЕРЦАЛО, 1999. – 592 с.
6. Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. – СПб.: Издательство "Юридический центр Пресс", 2001. – 362 с.
7. Энциклопедия уголовного права. Т. 6. Соучастие в преступлении. – Издание профессора Малинина. – СПб.: ГКА, СПб., 2007. – 562 с.
8. Криволапов Г.Г. Множественность преступлений по советскому уголовному праву и установление ее признаков органами внутренних дел: Учебное пособие. – М.: МССШМ МВД СССР, 1989. – 48 с.
9. Уголовное право Украинской ССР на современном этапе. Часть Общая. – К.: Наукова Думка, 1985. – 445 с.
10. Марцев А.И. Вопросы совершенствования норм о преступлении // Государство и право. – 1995. – № 11.
11. Кримінальне судочинство в Україні: Судова практика. Злочини проти життя особи (вбивства): Офіц. вид. / Верх. Суд України: Відп. ред. П.П. Пилипчук. – К.: Вид. Дім "Ін Юре", 2007. – 960 с.
12. Зелінський А.Ф., Коржанський М.Й. Корислива злочинна діяльність. – К.: Генеза, 1998. – 144 с.